

АНДРЕЙ ДМИТРУК

СОН О ЛЕСНОМ ОЗЕРЕ

Андрей Дмитрук

Сон о лесном озере

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дмитрук А.

Сон о лесном озере / А. Дмитрук — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Времена Запорожской Сечи. Казак Еврась, незаконный сын турецкого султана, становится борцом за свободу родной земли, против чёрного мага и его подруги, способной летать. События разворачиваются вокруг таинственного озера, способного воскрешать давно ушедшие исторические эпохи.

© Дмитрук А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Андрей Дмитрук

СОН О ЛЕСНОМ ОЗЕРЕ

Но Он знает путь мой; пусть испытает меня, – выйду, как золото.
Книга Иова, 23.10

Откуда взялась эта история – не то сказка, не то быль? Выплыла ли она из глубины родовой памяти? Сложил ли её, от самого себя скрывая механизм работы, холодный тренированный рассудок? Был ли то вещий причудливый сон наяву – или, может быть, не вещий, а пустой и обманный?.. Не знаю... Но что-то настойчиво толкает мою руку, запиши, запиши! Чтобы не пропало, не рассеялось...

I

На истоке жестокого века шестнадцатого, – впрочем, возможно, уже начинался кровавый семнадцатый, – погожим летним днем собирая землянику в бору пана Щенсного, крестьянка означенного пана, семнадцатилетняя Настя Мандрыка, услышала тихий стон. Недолго поискав, обрела Настя под корявым столетним дубом, в гуще крапивы, израненного молодого казака.

Сперва хотела она закричать во всю глотку и броситься в село за подмогой, но ладонью рот себе зажала, сообразив, что после недавних боёв между шляхетским войском и бунтарями из числа реестровых¹ – раненый казак случайно в лесу не возьмётся. Дознавшись про Настину находку, мог пан Щенсный своею волей посадить парня на кол либо отправить в город, к судьям немилостивым. Поэтому девушка стала молча рассматривать беднягу, прикидывая, как бы ему помочь.

Видимо, казак немало прополз от того места, где принял раны. Трава была примята поло-сою, словно по ней куль тащили, и часто закапана кровью. Боль и жара измучили раненого, губы его спеклись, лицо скрывала маска из пыли, замешанной на поту. Увидела зоркая Настя и то, что изодранный синий жупан казака сшит из дорогого сукна, персидская сабля осыпана ясными камнями, а зеленого сафьяна сапоги не стыдно бы и магнату надеть в праздник...

Взвалить парня на плечи не удалось; волочить, взяв под мышки, было тяжело и неловко. Поразмыслив немного, Настя лишь дотянула его до ближайших кустов лесного ореха, где и спрятала. А тогда уже со всех ног пустилась домой, за отцом.

Вдовый Степан Мандрыка, на редкость подвижный и дюжий для своих шестидесяти пяти (Настя была младшая, два сына сгинули в крымском полоне), без лишних слов запряг Гнедка и поехал за раненым. На телеге, под соломою, обессиленный казак был тайно привезен в Степанову хату...

Вечерело. Завесив окна, при свете лучины Мандрыка, слывший ведуном и лекарем, раздел раненого догола. Настя было отвернулась, но отец заставил смотреть и помогать:

– Учись! Я помру, тебе людей пользоваться.

Поджарое бледно-смуглое тело казака было перекрещено по груди и плечу двумя порубами, кровь толчками выплёскивалась из них. Степан бормотал, склоняясь над ужасными ранами и поводя рукою:

– Рубили не больно, кололи не колко; кровь алая руда, сукровичная, остановись, не иди, а будь в рабе Божиим, имени не знаю, и теки по жилочкам, куда надобно и как надобно; а на волюшке тебе делать нечего, попадёшь ты на сырую землю и пропадёшь пропадом. Говорю, руда красная, сукровичная, не теки куда не надобно, а теки, где тебе назначено, и будет тебе хорошо, хорошо, а рабу Божьему, имени не знаю, легко, легко! Остановись же, руда алая, я велю тебе, и ты слушайся; речь сильна моя и крепка она, аки камень адамас! Остановись, остановись, остановись!..

Обильный пот выступил на лбу Степана... То ли усмирённая целебными токами от пальцев лекаря, то ли ловко пережатая в знаемых стариком подкожных руслах, или впрямь заговорённая-заклятая, густела, успокаивалась «руда». Но много ещё бессонных часов провели Степан с дочерью над полатями, где уложен был раненый, ловя каждый стон его, каждый рывок метавшегося тела... Пошли в ход свежие листья девясила, масло на цветах зверобоя, сок тысячелистника... а под утро, когда совсем жалобно закричал пришедший в сознание казак, знахарь дал ему настоя белены.

¹ Р е е с т р о в ы е казаки – часть украинских казаков, в XVI–XVII вв. принятая на службу польским правительством и занесённая в особый список – реестр.

Трепет пробежал по лицу, дрогнули губы под чёрными тонкими усами, задёргались веки, и раненый открыл глаза. Солнце за подслеповатым окошком падало в лес; последний нестерпимый отблеск плавленной меди растревожил и пробудил казака.

Едва повернул он шею, огляделся. Жилище Степана внушало покой – чистое, со скромной нарядностью образов в красном углу, и расписной скрыни, и шитой скатерти на дубовом столе. О знахарстве хозяина говорило множество сухих трав, подвешенных к потолочному брусу; девичью руку открывали тонкие узоры на челе печи.

Отворилась дверь комнаты, и раненый увидел юную хозяйку. Круглолицая, свежая, точно яблоко, вошла она, взволнованно дыша и опустив ресницы, с горшком и мискою в руках.

Расставив на столе нехитрый ужин, девушка присела на лаву и сказала с напускной «взрослой» серьёзностью:

– Ну, здравствуй! Хорошо ли спал, хлопче?

– Хорошо, сестрица. Но проснуться было ещё лучше! – ответил казак с таким выражением, что хозяйка залилась яблочным румянцем.

Впрочем, оправилась она быстро, а тогда спросила строже прежнего:

– Как тебя кличут? Я – Настя...

– Славное имя, – улыбнулся раненый. – А я во святом крещении наречён Георгием, но обычно зовусь Еврасем.

– Еврась... – повторила девушка, зачарованно блеснув синими глазами. И тут же вскочила, захлопотала, помогла казаку сесть повыше, поднесла ложку к его губам: – Ешь! Это кулеш не простой, его отец сам варил; в нем коренья особые, мёртвого на ноги поставят!

Еврась хлебал послушно, а когда вздумал передохнуть. Настя налила ему грушевого узвара:

– Ты должен сейчас много есть, как наш пан Щенный!

– Но он, наверное, очень толстый, твой пан? Если я буду таким, ты меня сразу разлюбишь!..

– А разве я тебя уже полюбила? Какой пряткий!.. – Вдруг Настя, точно испугавшись чего-то нагнулась к Еврасю и зашептала: – Понимаешь, он как раз не толстый! А лопаёт за десятерых, да что я, – за сотню, наверное! То есть, когда гости у него, или сам обедает у какого шляхтича, так закусит и выпьет наравне со всеми. Но уж если засядет один в своих покоях да велит подавать... – Не находя слов, Настя зажмурилась и помотала головою. – Нанесут ему всего целые туши мяса, борща котёл, вареников корыто... Он запрётся, а через час-другой позвонит в колокольчик. Заходят слуги и видят: посуду будто псы вылизали, мухе нечем поживиться!..

– Ну и что? Самое панское дело – жрать в три глотки! – сквозь хохот еле выговорил Еврась.

Девушка надулась было, но, увидев, как от собственного смеха задыхается раненый, снова бросилась кормить его «воскрешающим» кулешом...

Может, и вправду таковы были свойства дедовой стряпни, или, скорее, руки и улыбка кормившей умели лечить – но недели не прошло, как боль отпустила Еврася, стал он бодро орудовать ложкой, да и сон сделался крепким, разве что мешал порою зуд от заживающих ран.

Настя за каждой трапезой потешала и утомляла гостя неумолчным щебетом. Не терпелось ей показать себя чародейкой, наследницей отцова ведовства; но вперемежку с подлинными секретами натуры вдруг сообщала такое, что казак еле удерживался от обидного смеха... Однажды рассказала Настя, что известная трава шалфей, высушенная, истолчённая и десять ночей проведшая под луною, в живых червей превращается; этих червей также надо высушить и размельчить, а порошком тем посыпать пятки: тогда любое желание твое исполнится. Другой раз огорошила: подсолнечник, завёрнутый в шёлковую ткань с листьями лавра и зубом медведя и носимый незаметно при себе, обратит всех твоих врагов в лучших друзей... Особенно много знала девушка средств любовной ворожбы, вроде такого: «Найдя змею, прижимают ей

шею рогаткою, а затем продевают иглу с ниткою сквозь глаза, говоря: «Змея, змея! Как тебе жалко твоих глаз, так, чтобы такой-то меня любил и жалел». Затем, находясь с любимым, надо продеть незаметно эту нитку в его платье. Пока нитка там, будет он тебя любить»... – «А выпадет нитка, так что – конец любви?! Ну, хоть пыль из жупана не выбивай!» – не утерпел тогда, съязвил Еврась, за что и получил подзатыльник.

Оказалось, что положили Еврася в Настиной комнате; девушка жила теперь на отцовской половине, а сам Степан зачастую ночевал во дворе... Однажды утром, открыв глаза, увидел казак старого ведуна сидящим на краю полатей. Не спросил Степан, каково раненому, лишь ладонью поводил над лицом и грудью Еврася, точно ловил восходящее тепло. Окончив же, с лукавой серьёзностью проговорил:

– Должно быть, не простых кровей ты, хлопче? Откуда родом?

Отсекая новые вопросы, резко сказал Еврась:

– На Сечи прозван Чернецом, там и род мой.

Но Степан словно не заметил отповеди:

– А отец твой кто?

– Не отцом казак славен, а делами! – вдруг закипел гневом, поднялся на локтях Еврась. – Сам по себе я, Степан, – таким меня и прими!..

Кряжистый ведун сидел непроницаем, насмешливо щурясь. Круглая голова его, сверху и снизу равно обросшая колючей седой щетиною, была чуть склонена к левому плечу... Вдруг поднялся Степан, как снизу уколотый; сказал кратко: «На Иванов день танцевать будешь», – и торопливо вышел.

Скоро казак уже ковылял в сумерках по саду, опираясь на буковую палку, поддерживаемый Настею. Раны стягивались с удивительной быстротой...

Под Троицу столь душная, липко-жаркая ночь навалилась на землю – даже здоровые люди, взмокнув от пота, воевали с приснившимися чудищами; а уж Еврась, от бездвижья тоскою съедаемый, и вовсе сходил с ума. Хата казалась домовиной, гнётом на ребрах лежал потолок, не давал вздохнуть...

С кружащейся головой, охваченный странной бредовой лёгкостью, он спустил ноги на глиняный пол. Крадучись, вышел в сени, жадно выпил кружку воды. В безлунную пору не страшны были соглядатаи Щенского. Сам того не заметив, очутился казак во дворе.

Лохматый Бровко лязгнул цепью, зарычал угрожающе – но, узнав гостя, холодным носом мазнул его по руке. За перелазом белела чуть видимая улица, изгибами меж чёрных усадеб сбегавшая под яркими звёздами к реке.

Наслаждаясь своей быстротой и бесшумностью, Еврась спешил под кручу, навстречу свежести воды. Горячая тонкая пыль нежила босые ступни... Днепр тоже был придавлен тяжким, почти жидким воздухом; едва колыхалась плотная, в смутных бликах масса.

Чернец потрогал ногой прогретое мелководье... Мягкий могучий шорох пронёсся над ним, порыв ветра обдал волосы. Птица, крупнее самых больших орлов, скользнула, гася звезды, прочь от берега. Затем раздался недалёкий всплеск и отчаянный женский вопль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.